

1.

Платон и платоноведение

Ирина Протопопова, Алексей Гараджа

«Гиппий Большой»: комедия и двойники Сократа

IRINA PROTOPOPOVA, ALEXEI GARADJA

THE *HIPPIAS MAJOR*: COMEDY AND SOCRATES' DOUBLES

ABSTRACT. The authenticity of the dialogue *Hippias Major* remains an issue of controversy among Plato scholars. Ever since Fr. Schleiermacher had rather unfavourably remarked on its purportedly scratchy style while at the same time refraining from classifying it as unequivocally spurious, many scholars of the 19th century, with its salient hypercritical bias, started to convince themselves that the dialogue was indeed inauthentic. All of the main arguments pro and contra authenticity were rehearsed in the 1920s academic confrontation of G. Grube versus D. Tarrant. Grube argued that *Hippias Major* was an early work written by Plato himself, while Tarrant believed that the dialogue was a late one and most likely composed by one of Plato's disciples. This paper deals with some aspects of the dialogue used in the argumentation of both sides of the controversy, including its 'comico-mimical' orientation, the *enjeu* of 'Socrates' double', and the appearance of various kinds of *eide* (like the 'beautiful' and the 'deuce'), in an effort to ground the authors' own view: the dialogue in question is in fact rather late and does belong to Plato himself.

KEYWORDS: Plato, the *Hippias Major*, Socrates, comedy.

Спор об аутентичности

Вопрос об аутентичности диалога «Гиппий Большой» до сих пор остается предметом споров платоноведов. С легкой руки

© И.А. Протопопова (Москва). plotinus70@gmail.com. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный ун-т.

© А.В. Гараджа (Москва). agaradja@yandex.ru. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный университет.

Шлейермахера, который однозначно не отнес диалог к неаутентичным, хотя и назвал его стилистически грубоватым, в 19-м веке, в эпоху господства гиперкритицизма, многие стали считать «Гиппий Большой» не принадлежащим Платону¹. Примечательна полемика Джорджа Грубе и Дороти Таррант по поводу авторства и датировки диалога в 20-е годы прошлого века, где были собраны основные на тот момент доводы *pro et contra*. Выводы исследователей оказались диаметрально противоположными: Джордж Грубе считает диалог довольно ранним и принадлежащим Платону, Дороти Таррант полагает, что диалог поздний, а его автор — кто-то из учеников Платона.

Спустя несколько десятилетий Хольгер Теслеф, характеризующий «Гиппия Большого» как «exuberant dramatic dialogue»², высказывает мнение, что дискуссия о его аутентичности и датировке практически безнадежна, хотя сам склоняется к тому, что диалог связан с учебным процессом внутри Академии в 360–350-е гг. и написан, вероятно, кем-то из учеников Платона, кто получал удовольствие от игры с сократовскими эленктикой и апоретикой³. С точки зрения содержания, говорит Теслеф, «Гиппия Большого» вряд ли можно отнести к ранним диалогам: сложная игра аллюзий позволяет предположить, что это пропущенное звено

¹ Вот как характеризует тогдашний гиперкритицизм в отношении платоновских текстов Х. Теслефф: «Самовластный гиперкритицизм иных исследователей 19-го века, таких как Аст и его последователи, в этом [20-м] веке утратил популярность: те стремились заклеить печатью ‘не-платоновского’ всё, что не подходило под их представление о платонизме, склонны были усматривать в повторении одной и той же идеи либо формулировке работу фальсификатора, оценивать отсутствие ссылок у Аристотеля как негативное свидетельство. Сегодня общая тенденция склоняется, скорее, к более либеральной, включающей точку зрения» (Thesleff 1982: 90). Назовем некоторые имена ученых за и против аутентичности диалога, учитывая уже и 20-й век. *Pro*: Адам, Апелът, Арним, Бернет, Герман, Грубе, Зуземиль, Корнфорд, Риттер, Росс, Фридендер, Шори, Штальбаум; *contra*: Виламовиц, Виндельбанд, Гомперц, Джоуит, Иберверг, Таррант, Теслеф, Целлер. Как видим, по обе стороны — весьма авторитетные имена.

² Thesleff 1982: 92 («бьющий через край драматический диалог»).

³ *Ibid.* 205.

в гипотетическом «развитии» так называемого учения об идеях. Так, например, манипуляции со словами τὸ καλόν, τὸ ἀγαθόν, αἴτιον, ἔκγονον, ιδέα в 297b отсылают к центральной части «Государства» (6, 506d–507b, 508bc), причем не в виде каких-то «предвосхищений», а именно в качестве отсылок; καλὰ ἐπιτηδεύματα и νόμοι, которые тут встречаются в разных контекстах (286b, 294c, 295d, 298b–d, etc.), — скорее, реминисценции «Горгия» (474d–475a) и «Пира» (210c, 211c), чем предварительные наброски этих пассажей⁴. Таким образом, позиция Теслефа близка скорее позиции Таррант, вообще же финский исследователь подчеркивает, что оценки противников и защитников аутентичности диалога зачастую связаны с их представлением о том, что «достойно» или «недостойно» Платона, а это — весьма зыбкая перспектива⁵.

Для нас здесь будут важны два аргумента, приводимые обеими сторонами спора. Первый — явная усиленная комичность диалога. Тот же Шлейермахер считал, что в «Гиппии Большем» персональная насмешка присутствует в более грубой форме, чем где-либо еще; по его мнению, эта манера едва ли согласуется с уместностью и изысканностью Платона и у многих может вызвать подозрение в подлинности диалога⁶. Вслед за Шлейермахером Дж. Грот и И.Г. Штальбаум считают, что Гиппий здесь выведен невероятно глупым, а насмешки Сократа над ним — чрезвычайно грубыми⁷. Пол Вудраф, один из переводчиков диало-

⁴ Thesleff 1982: 226.

⁵ Ср. *ibid.* 93.

⁶ «Личностная насмешка проявляется здесь, бесспорно, в куда более грубой форме, чем где-либо еще, не исключая и *Евтидема*, персонажи которого, очевидно, по-настоящему вообще даже не историчны, и определенно уничтожила бы, будучи столь утрированной, свой собственный эффект. Эта едва ли совместимая с платоновскими мастерством и тонкостью манера или, скорее, отсутствие оной, у многих может, наверное, вызвать сомнения в подлинности диалога, поскольку нам, конечно же, куда естественней встретить ее у какого-то менее искусного подражателя, который чувствовал, что ему не нужно особо себя утруждать, если он хочет хоть мало-мальски приблизиться к иронии и диалектике своего образца» (Schleiermacher 1861: 282–283).

⁷ Grote 1867: 1.364; Stallbaum 1857: 191.

га, пишет, что Гиппий похож на балаганного комического персонажа, сценического хвастуна, а Сократ — на осаживающего его грубияна⁸. Сократ не раз говорит тут о необходимости бить палкой того, кто не может дать достойный ответ (Нр. Ма. 292а), а тема смеха и осмеяния проходит лейтмотивом сквозь весь диалог. Очевидное влияние комедии и мима, россыпь шуток, игра слов, бурлескный словарь заставляют многих исследователей не признавать автором диалога самого Платона — вероятно, по причине «несерьезности». Упомянутый Вудраф, с которым мы в данном вопросе полностью согласны, недоумевает, почему же Платона нельзя считать автором, склонным к комедии, и приводит примеры комического в ряде заведомо аутентичных диалогов⁹.

Второй аргумент противников авторства Платона — вводимый здесь разговор Сократа с самим собой, с собственным «двойником». Как полагает Таррант, Платону, правда, свойственно вводить в диалоги разговоры Сократа с кем-то из воображаемых собеседников — но только не с самим собою¹⁰. Вудраф подчеркивает, что «двойника» Сократа многие исследователи считают странным и неуклюжим приемом. Гиппий не может не знать, что речь идет о самом Сократе (на это есть несколько прямых указаний в тексте), но не понимает, о ком идет речь, даже когда Сократ прямо говорит о «том человеке» как о сыне Софрониска. По Вудрафу, это или плохая задумка автора, или специальный психологический прием: двойник Сократа становится «буфером» между реальным Сократом и Гиппием, поскольку последний не хочет вступать в открытую конфронтацию с самим Сократом — но может тягаться с его «двойником»¹¹.

Разговор Сократа с двойником как раз и вносит основную комическую струю в диалог. И мотив осмеяния, и битье палкой, и неузнавание (возможно, мнимое) Гиппием двойника Сократа, и

⁸ Woodruff 1982: 100.

⁹ Ibid. 100–101.

¹⁰ См. Tarrant 1927: 83–84.

¹¹ Woodruff 1982: 107–108; ср. также подробный разбор этой темы в Olson 2000.

связанная с этим «удвоенная» ирония Сократа — всё это объединяет диалог в единое целое с отчетливыми признаками авторства самого Платона. Мы полагаем, что в нем проявляется специфическая платоновская *перформативность*, которая особенно явно выражена в таких диалогах, как «Пир», «Государство», «Федр», «Софист», «Тимей». Имеется в виду, что *содержание* диалогов определенным образом отражается в его *форме* — начиная с характеристик персонажей, языковых игр, семантики образов и обстоятельств, и заканчивая целостной структурой диалога¹².

Так, например, диалог «Пир» своим устройством на разных уровнях текста воплощает идею «единого-как-многого», выраженную темой целостности двойственного Эрота, чьим паредром выступает здесь Сократ. Серьезно-мистериальная речь Диотимы и намеренно сниженная и грубоватая речь Алкивиада структурно и лексически отражают друг друга как в зеркале, как трагедия с комедией, — а ведь в финале Сократ говорит, что искусный трагик должен быть одновременно искусным комедиографом. Так же это и отражение двух образов Сократа, который подспудно сопоставляется с двойственным Эротом в речи Диотимы и открыто сравнивается с «двойной» фигуркой силена у Алкивиада¹³.

Такая перформативность формы-содержания связана, на наш взгляд, с одной из главных философских интуиций Платона о причастности чувственных вещей эйдосам: эти эйдосы сами внеобразны, но отражаются-воплощаются всегда в образах разных типов, от чувственных ощущений до геометрических фигур (см. «Линию» и миф о пещере в «Государстве»). По Платону, вещи «подражают» эйдосам — а значит, *перформативный мимесис* есть реализация *философского содержания* в самой *форме его подачи*, в диалоге. Схематично говоря — *диалог как форма подражает некоторому эйдосу*, который с помощью разных средств описывается в содержании¹⁴. Такой способ выражения характерен именно для

¹² См. Протопопова 2011.

¹³ См. Протопопова 2015.

¹⁴ См. Протопопова 2012.

Платона и никак не отражен в явно не принадлежащих ему диалогах. Мы попытаемся показать подобную перформативность в связи с отмеченными сторонами диалога — комической направленностью и разговором Сократа с двойником.

С самого начала в диалоге задается иронический подтекст: так, Сократ сравнивает древних философов с современными софистами в пользу последних — древние были столь глупы и наивны, что не брали денег со слушателей, а современные сумели монетизировать свое философствование и обогатились от этого, как Гиппий; иначе говоря, мудрец тот, кто заработал больше денег (281c–283b). Гиппий безудержно хвастается, а Сократ его подначивает, причем с самых первых слов вводится тема «прекрасного», составляющая основную тему диалога: прекрасный Гиппий прекрасно рассуждает; прекрасное доказательство мудрости — деньги; Гиппий прекраснейше преподает добродетель; он говорит о прекрасных занятиях в прекрасно составленной речи. Здесь везде *прекрасное* поставлено в откровенно иронический контекст, который Гиппий то ли не чувствует, то ли предпочитает не замечать — но читателю не заметить его очень трудно.

Поскольку Гиппий, рекламируя свою речь для спартанцев, говорит, что ее тема — прекраснейшие занятия для молодых людей, Сократ замечает, что Гиппий как раз вовремя (εἰς καλόν) напомнил об этом. Тут и вводится «двойник»: Сократ говорит Гиппию, что недавно некий человек загнал его в тупик (εἰς ἀπορίαν), когда он, Сократ, ругал что-то как безобразное (αἰσχρά), а хвалил как прекрасное (καλά). Этот человек задал ему вопрос, причем весьма дерзко (μάλα ὑβριστικῶς): что такое прекрасное (τὸ καλόν)? Сократ по своей ничтожности ответить не смог (διὰ τὴν ἐμὴν φαυλότητα ἡλπορούμην) и, уходя, сердился и ругал себя, и решил, что, встретив кого-либо из мудрецов-софистов, расспросит и узнает, что такое прекрасное, чтобы потом рассказать спросившему. И вот, снова повторяет Сократ Гиппию, ты пришел вовремя (εἰς καλὸν ἤκεις), поэтому научи меня, что такое само прекрасное (αὐτὸ τὸ καλὸν ὅτι ἐστί), и попытайся сказать как можно точнее (μάλιστα ἀκρι-

βῶς), чтобы я, во второй раз подвергаясь испытанию (ἐξελεγχθεῖς), снова не навлек на себя смех (μὴ αὖθις γέλωτα ὄφλω) (286c3–e4).

В этом коротком отрывке мы видим важнейшие сократические темы: *апорию*, *эленхос*, а также *гибризм* и *смех*. Описываемый Сократом Сократ представлен здесь гибристом, как в «Пире», избличающим, вгоняющим в апорию, поднимающим на смех. Сократ раздваивается на простеца-рассказчика (φαῦλος) и гибриста-вопрошателя, но рассказчик — мнимый простец: он притворяется, иронизирует. Такое описание Сократом самого себя делает это описание вдвойне гибристичным: нет никакого «единственно верного» Сократа, он всегда всё говорит наоборот, как характеризует его Алкивиад в «Пире». Устами этого (якобы) не узнанного Гиппием человека Сократ говорит, что прекрасными могут быть кобылица, лира и даже горшок. Гиппий негодует на дерзкого и невоспитанного человека и считает, что это слишком низменный предмет, когда мы рассуждаем о прекрасном (288d). Дальше этот горшок неоднократно упоминается в диалоге; о нем и пойдет сейчас речь.

Горшок сущности

Нас интересует раздел 301b, где Гиппий, ранее не боявшийся нападать на «двойника», но до сих пор старавшийся соблюдать нейтральный тон в беседе с самим Сократом, наконец взрывается: он возмущен методом Сократа и его последователей и высказывает о нем свое мнение. Это, между прочим, говорит о том, что Гиппий прекрасно осведомлен о способах рассуждения и Сократа, и «того человека» — то есть, здесь он обнаруживает свое прежнее притворство. Итак, читаем (301b2–7):

Ἀλλὰ γὰρ δὴ σύ, ὦ Σώκρατες, τὰ μὲν ὅλα τῶν πραγμάτων οὐ σκοπεῖς, οὐδ' ἐκεῖνοι οἷς σύ εἴωθας διαλέγεσθαι, κρούετε δὲ ἀπολαμβάνοντες τὸ καλὸν καὶ ἕκαστον τῶν ὄντων ἐν τοῖς λόγοις κατατέμνοντες. διὰ ταῦτα οὕτω μεγάλα ὑμᾶς λανθάνει καὶ διανεκῆ σώματα τῆς οὐσίας πεφυκότα.

Дело в том, Сократ, что ты не рассматриваешь вещи в целом; так же поступают и те, с кем ты имеешь обыкновенные рассуждать; вы прекрасное и каждую сущую вещь исследуете, расчлняя их в своих рассуждениях. Потому-то и скрыты от вас столь великие и цельные по своей природе телесные сущности¹⁵.

Сразу обращает на себя внимание явная отмеченность фразы — как синтаксисом, не гарантирующим однозначного толкования, так и парой слов, выбивающихся из общего ряда. Таким приемом Платон нередко выделяет в своих текстах места, требующие особого отношения: здесь просто-напросто нужно включать здравый смысл и наслаждаться той самой иронией, вместо того чтобы пытаться клещами вытянуть из сказанного некую тайную подоплеку. Одно из этих слов — *κρούετε* (*δὲ ἀπολαμβάνοντες*), квалифицируемое Таррант как «философский сленг»¹⁶. Второе слово — *διανεκῆ* (301b6), перекликающееся с *διανεκῆ* чуть ниже в реплике уже Сократа (301e3). Слово *διανεκῆς* обозначает 'протяженный, непрерывный, сплошной' — как в пространственном, так и во временном смысле. Шутка в том, что здесь Платон в обоих слу-

¹⁵ Пер. А.В. Болдырева под ред. С.Я. Шейнман-Топштейн. — «Ну такъ вотъ, Сократъ; на цѣлое-то въ вещахъ ты не смотришь, равно какъ и тѣ, съ которыми у тебя обыкновенно бываетъ разговоръ. Взявъ прекрасное, вы пробуете его и каждое сущее разсѣкаете своими рѣчами. Поэтому великая и сплошная по природѣ цѣлость сущности скрывается отъ васъ» (пер. В.Н. Карпова). Ни один из этих переводов нельзя признать удачным, хотя карповский предпочтительней.

¹⁶ Tarrant 1920: 329. Как замечает Таррант, *κρούω* в смысле 'постукивания для извлечения звука, зондирования' (*tapping in order to sound*) у Платона больше не встречается, хотя само слово используется в прямых значениях 'стука в дверь' (Prt. 300b) или 'бряцания на музыкальном инструменте' (Ly. 209b). Возражая на это, Грубе приводит в качестве параллелей Tht. 154e, а также Tht. 179d (*διακρούω*) и Phlb. 55c (*περὶ κρούω*) (Grube 1926: 240). Отметим также распространенную у комедиографов обценную метафорику 'стука в дверь' (напр., у Аристофана, Es. 990), как и еще одно переносное значение *κρούω* — 'мошенничать' (ср. у Софокла, fr. 796). В качестве русского перевода *κρούετε δὲ ἀπολαμβάνοντες* можно предложить 'и долбите, и крошите' — ср. возможную параллель между *κρούετε* здесь и *καταγύνναι/κερματίζειν* (*τὴν ἀρετήν*) в Men. 79a, на которую указывал еще Людвиг Гейндорф (Heindorf 1827: 188).

чаях использует дорийский вариант $\delta\iota\alpha\nu\epsilon\kappa\acute{\eta}\varsigma$, и даже не просто, а нарочито дорийский¹⁷.

А теперь обратимся к ключевому выражению нашей фразы — к тем «сплошным телесам сущности» ($\delta\iota\alpha\nu\epsilon\kappa\acute{\eta}\ \sigma\acute{\omega}\mu\alpha\tau\alpha\ \tau\eta\varsigma\ \omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha\varsigma$), которые издавна не давали покоя переводчикам и толкователям Платона¹⁸. У тех, кто не мог или не хотел чувствовать пародийного характера реплики Гиппия, и толкования получались более чем серьезные, с далеко идущими выводами, а если что-то при этом не сходилось — долго ли было слегка подправить, подогнать фразу под нужный результат?

Еще не вмешивались в ткань текста И.Г. Штальбаум и Дж. Грот. Первый толкует $\delta\iota\alpha\nu\epsilon\kappa\acute{\eta}\ \sigma\acute{\omega}\mu\alpha\tau\alpha$ как «*continuae partes rerum naturae, grosse und zusammenhängende Massen vom Wesen der Dinge*», добавляя перевод фразы на язык «наших», т.е. немецких философов, на котором только и может быть воспринято подобное толкование: «*nostrates dixerint: es fehlt euch die Totalanschauung von dem Wesen der Dinge*»¹⁹. Второй посвящает обоим «Гиппиям» ин-

¹⁷ Таррانت признает возможность пародийного использования здесь дорийской формы, для сравнения приводя еще одно место из Платона с ожидаемой ионийской (Lg. 839a3: $\nu\omicron\mu\omicron\varsigma\ \delta\iota\eta\nu\epsilon\kappa\acute{\eta}\varsigma$) и отмечая, что для нашего диалога все рукописи дают именно дорийский вариант, за исключением лишь Cod. Vindob. 55 (Tarrant 1920: 330). Еще раз подчеркнем, что речь тут идет об искусственной, нарочитой доризации. Этим, в частности, объясняется непонятная на первый взгляд глосса к Нр. Ма. 301e грамматика Элия Мерида (2 в.), называющего $\delta\iota\alpha\nu\epsilon\kappa\acute{\eta}$ правильной «аттической» формой — при вульгарной «эллинской» $\delta\iota\eta\nu\epsilon\kappa\acute{\eta}$.

¹⁸ Ср. варианты перевода всего предложения у самых разных переводчиков: М. Ficino (1484) *Atque idcirco ita vos latent magna et universa corpora, continuam essentiam ex natura sortita*. J. Cornarius (1561): *Quapropter ita magna et perpetua solidae essentiae corpora vos latent*. Fr. Ast (1827): *quo fit ut tam magna et integra rerum corpora natura ita constituta vos lateant*. Fr. Schleiermacher (1861): *Darum entgehn euch ganze grosse Hauptstücke in dem Wesen der Dinge* (в примечании Шлейермахер обращает внимания на «комизм» и «пародийность» всей реплики Гиппия). И. Сидоровский (1783): *Сего то ради и не извѣстны вамъ великіе тѣла сущности составляющіе по своему естеству непрерывное*. М.С. Соловьев (1903): *Поэтому-то и остаются для васъ скрытыми столь великія и по природѣ своей цѣльныя вещи*. Версия Сидоровского — возможно, лучший из русских переводов.

¹⁹ Stallbaum 1857: 256. «Великие сопряженные массы сущности вещей»; «наши сказали бы: вам не хватает целостного созерцания сущности вещей».

тереснейшую главу в своей фундаментальной книге, а о нашем месте, представленном под рубрикой «ритор против диалектика», пишет следующее:

The Rhetor accuses the Dialectician of departing from the conditions of reality — of breaking up the integrity of those concretes, which occur in nature each as continuous and indivisible wholes. <...>

The words *διανεκῆ σώματα τῆς οὐσίας* correspond as nearly as can be to the logical term *Concrete*, opposed to *Abstract*. Nature furnishes only *Concreta*, not *Abstracta*²⁰.

«Целостности», которые упускает, по Гиппию, Сократ, Грот означает также как «агрегаты» (Wholes or Aggregates). Далее он привлекает к рассмотрению Аристотеля и, что особенно интересно, Аристофана, приводя подборку мест из комедий последнего с аналогичными нападками на «кромсающую» сократовскую диалектику, в первую очередь из «Облаков»²¹.

На этапе более решительных толкований наступает черед конъектур. Здесь особенно отличился Отто Апельт, предложивший вместо *σώματα* читать *σχήματα τῆς οὐσίας*, т.е. «отношения бытия», получая в результате:

So kommt es denn, daß ihr die großen und durchgängigen (das Ganze umfassenden) natürlichen Zusammenhänge des Seins unbeachtet laßt²².

Немецкий ученый отталкивается от сократовской ссылки на Гиппия ниже в диалоге (301e): οὐ γὰρ οἷόν τε διανεκεῖ λόγῳ τῆς οὐσίας

²⁰ Grote 1867: 1.384.

²¹ Ibid. 385. Nu. 130: λόγων ἀκριβῶν σκινδαλάμους μαθήσομαι («В лапше словес тончайших разобраться, ох»); Nu. 260: λέγειν γενήσει τρίμμα, κρόταλον, παπάλη («В речах мучнистым станешь, тертым, крупчатым») (пер. Адр. Пиотровского).

²² Apelt 1918: 89, разъяснения 103–104. «Вот и выходит, что великие и насквозь проходящие (всё объемлющие) природные взаимосвязи вы оставляете без внимания». В более ранней работе (Apelt 1912: 231) видим несколько иной вариант перевода: «Daher entgehen euch so große und naturgemäß stetig geordnete Verhältnisse des Seins».

κατὰ Ἰππῖαν ἄλλως ἔχειν²³, сопоставляя λόγος τῆς οὐσίας здесь и λόγος τοῦ πράγματος в Euthd. 286b и обращая внимание на другое, наряду с διανεκῆ, определение σώματα в 301b — μεγάλα, проводя тут маловразумительную параллель с аристотелевским (Pol. 1322a31) τετάχθαι ἐν μείζονι σχήματι²⁴.

Дороти Таррант затевает еще более основательную правку, отталкиваясь от тех же «зацепок», что и Апелът: подвисяющего якобы определения μεγάλα и пародийного сократовского перепева слов Гиппия διανεκεῖ λόγῳ τῆς οὐσίας — «a continuous account of being in general» в ее передаче. Она предлагает вставку σώματα <τὰ> τῆς οὐσίας и вот примерно какое, с упрощенным синтаксисом, прочтение интересующего нас предложения: τὰ τῆς οὐσίας λανθάνει ὑμᾶς οὕτω μεγάλα καὶ διανεκῆ σώματα τῆς πεφυκότα; в таком случае τὰ τῆς οὐσίας может означать что-то вроде «the sum of all that exists»²⁵. Мы согласны с оценкой Грубе, называющего конъектуры и Таррант, и Апелъта неубедительными и ненужными: главное, он четко подчеркивает маркированность слов μεγάλα и διανεκῆ (очевидно, с пародийной целью) и бесперспективность их связки в μεγάλα καὶ διανεκῆ. Ключ к пониманию всего предложения Грубе видит в неприметном καὶ: «Therefore you fail to perceive that such large bodies of being are also by nature continuous»²⁶.

Не менее радикально, чем у Апелъта или Таррант, но по характеру скорее в духе Штальбаума или Грота, «мировоззренческое» прочтение нашего места А.А. Тахо-Годи. В своем комментарии она пишет следующее:

²³ «в противном случае, по мнению Гиппия, не может быть сохранено целостное основание бытия» (пер. А.В. Болдырева, ред. С.Я. Шейнман-Топштейн).

²⁴ Apelt 1912: 231. В примечаниях к этому месту «Гиппия Большого» в переводе Апелъта (Apelt 1918: 103–104) мы встречаем несколько более интересных замечаний по поводу платоновской терминологии, но убедительного обоснования предложенной конъектуры так и не находим.

²⁵ Tarrant 1920: 329.

²⁶ Grube 1926: 147–148. Ср. выделенный нами чуть выше старый русский перевод Иоанна Сидоровского (1783), а также довольно свежий еще английский перевод Пола Вудрафа (1982): «Because of that you don't realize how great they are — naturally continuous bodies of being».

Такое в основе своей осязаемое и телесное восприятие отвлеченных идей характерно для греческого мышления вообще и есть следствие стихийно-соматических тенденций античной философии. Вспомним, что в греческом языке не было слова «личность». Человек в греческом языке понимается как σῶμα, т.е. «тело»²⁷.

Можно спорить о применимости к греческому и античному миру вообще этой почерпнутой, по всей видимости, в социальной антропологии идеи первобытного «вещного» мышления, но приравнивать ее к Платону — на редкость тонкому, как мы это стремимся показать, философу и писателю — едва ли разумно, а скорее — совершенно неуместно.

Вернемся лучше к идее о пародийной окраске вложенных Платоном в уста Гиппию рассуждений о «телесах сущности». Уже Таррант, внимательно разобравшая всю лексику диалога, включая (1) выражения поэтические или бурлескные, (2) разговорные и (3) относимые к философскому жаргону, отмечает многочисленные переключки с языком афинских комедиографов²⁸, но всё же именно Теслеф первым обратил внимание на конкретное произведение, к которому напрямую отсылает наш диалог. И сократическое отбивание-кромсание (κρούειν, κατατέμνειν) «сплошных телес сущности», и «горшок» как один из сквозных образов всего диалога (χύτρα καλή, «прекрасный горшок»: 288c10–11, 290d8, особенно же 289b1–2, где при сравнении прекрасных горшков с прекрасными девушками всплывает определение αἰσχρά, «безобразная») — всё это, по-видимому, заимствовано из комедии Анаксандрида «Уродина» (Αἰσχρά, fr. 6 Kock), причем сама эта комедия была, в свою очередь, пародией на лирика Тимофея²⁹.

²⁷ Лосев et al. 1990: 781.

²⁸ Ср. особ. Tarrant 1927: 84–85. Напомним, что для Таррант вся эта необычная лексика (точнее, «кумулятивный эффект значительного количества таких отклоняющихся от нормы выражений в пределах одного короткого диалога») — доказательство *неподлинности* «Гиппия Большего».

²⁹ Thesleff 1982: 227. Конечно же, сам по себе лексический параллелизм διανεκῆ σώματος из комедии Анаксандрида и обсуждаемого выражения из «Гиппия

Единственный сохранившийся фрагмент «Уродины» звучит так:

ἀρτίως διηρτάμηκε καὶ τὰ μὲν διανεκῆ
σώματος μέρη δαμάζετ' ἐν πυρικτίτοισι γᾶς.
Τιμόθεος ἔφη ποτ', ἄνδρες, τὴν χύτραν οἶμαι λέγων.
«Вот рассек он плоть на части, на протяжные куски,
Под покровом укротил их, закаленным на огне», —
Тимофей сказал ученый, а имел в виду горшок³⁰.

Здесь имеется в виду Тимофей Милетский (ок. 450–360), реформатор дифирамба, автор «Персов» и излюбленный предмет насмешек за свой вычурный стиль со стороны комедиографов — в первую очередь, Анаксандрида и Антифана. Помимо этого упоминания в «Уродине» (Timoth. fr. 17 Bergk), Тимофеев горшок, похоже, фигурирует и в «Любвеобильном» Антифана:

Α. πότερ' ὅταν μέλλω λέγειν σοι τὴν χύτραν, χύτραν λέγω
ἢ τροχοῦ ῥύμαισι τευκτὸν κοιλοσώματον κύτος,
πλαστὸν ἐκ γαίης, ἐν ἄλλῃ μητρὸς ὀπτηθὲν στέγη,
νεογενοῦς ποιμνῆς δ' ἐν αὐτῇ πνικτὰ γαλατοθρέμμονα
τακεροχρῶτ' εἶδη κύουσαν; Β. Ἡράκλεις, ἀποκτενεῖς
ἄρα μ', εἰ μὴ γνωρίμως μοι πάνυ φράσεις κρεῶν χύτραν.

Большого» отмечался уже давно — и Августом Мейнеке, и Теодором Коком. — Поэт Анаксандрид, родом с Родоса (Ath. 9.374b) или из Колофона (Suid. s.v.), — современник Платона, его театральная карьера датируется периодом с 380-х по начало 340-х (Arpott 2010: 285). По свидетельству перипатетика Хамелеонта Гераклейского, человек это был яркий и к своему творчеству необыкновенно суровый: «Когда однажды Анаксандрид ставил в Афинах дифирамб, то он въехал в театр верхом на лошади, распевая что-то из этой песни. Был он пригож и ростом высок, волосы носил длинные и ходил в пурпурном плаще с золотой каймой. Нрава он был сурового, с комедиями своими обращался так: если какая-нибудь из них не побеждала, он отдавал ее порвать на обертку ладана, и никогда не переделывал заново, как поступают многие. Так он и уничтожил, разозлившись в старости на публику, много отлично написанных пьес» (Ath. 9.374ab = fr. 17 Коок; пер. Н.Т. Голинкевича).

³⁰ Ath. 10.455f = fr. 6 Коок; пер. Н.Т. Голинкевича. ἐν πυρικτίτοισι γᾶς — конъектура Мейнеке взамен ἐν πυρικτύλοισι γῆς большинства рукописей: выражение это (букв. 'земли огнетвор' или что-то вроде) он расшифровывает как terra igne costa, т.е., собственно, горшок из обожженной глины (Meineke 1840: 163–164).

— Что ж, когда намереваюсь я сказать тебе «горшок»,
Говорить «горшок» я должен иль «изделье колеса
Поворотов, пустотелый, вылепленный из земли,
Раскаленный под другою кровлей земли-матери,
И беременный чертами новорожденных ягнят,
Потушенных и вскормленных молоком»? — Спаси, Геракл!
Уморил! Скажи привычно: «Мяса вот тебе горшок»³¹.

А вот уже Сократ под маской своего двойника обсуждает с Гиппием — который в ответ тоже воскликнет Ἡράκλεις! — несколько более постную стряпню:

“Πότερον οὖν πρέλει,” φήσει, “ὅταν τις τὴν χύτραν ἢν ἄρτι ἐλέγομεν,
τὴν καλήν, ἔψη ἔτνουσ καλοῦ μεστήν, χρυσῆ τορούνη αὐτῆ ἢ συκίνη;”³²

Таррант, конечно, не упускает случая ухватиться здесь за «неплатоновское» словечко ἔτνος ‘гороховая или бобовая каша-похлебка’, которое, однако, нередко встречается у Аристофана³³. Безусловно, Таррант — очень добросовестный исследователь, ее логику и аргументы, из которых мы затронули лишь часть, опровергнуть практически невозможно, но вот общая установка — диалог «Гиппий Большой» слишком забавен, чтобы приписывать его Платону, — кажется нам несостоятельной.

Итак, вложенное в уста Гиппия διανεκῆ σώματα τῆς οὐσίας оказывается отсылкой к пародии Анаксандрида на лирика Тимофея, у которого это «неделимое тело» попадает в «огнетвор земли» (πυρικτίτοισι γᾶς), что означает просто-напросто «горшок» (τὴν χύτραν). Анаксандрид пародирует высокопарный и напыщенный стиль Тимофея, который использует пафосные перифрастические описания для обозначения обычных бытовых предметов.

³¹ Ath. 10.449b = fr. 52 Kock; пер. Н.Т. Голинкевича.

³² Нр. Ма. 290d7–9. «Ну а если, — скажет он, — тот самый прекрасный горшок, о котором мы только что говорили, наполнить и варить в нем прекрасную кашу, какой уполовник к нему больше подойдет: из золота или из смоковницы?» (пер. А.В. Болдырева под ред. С.Я. Шейнман-Топштейн).

³³ Av. 78, Eq. 1171, Ra. 62, см. Tarrant 1928: 54. Ср. еще Ach. 246.

Но отсылка эта работает не только «наружу», но и «внутри», захватывая персонажей самого платоновского диалога: Гиппий, возражающий против «дробящего» метода Сократа, словами пародии как бы характеризует собственную речь, напыщенную и гладкую («единую-неделимую»), за которой скрывается обычный «горшок», не случайно проходящий в диалоге лейтмотивом.

И тем более не случайно перифразирование этих слов Сократом практически сразу вслед за инвективой Гиппия (301d9–e4):

νῦν δὲ παρὰ σοῦ ἤδη ἀνεδιδάχθημεν ὅτι εἰ μὲν δύο ἀμφοτέροί ἐσμεν, δύο καὶ ἑκάτερον ἡμῶν ἀνάγκη εἶναι, εἰ δὲ εἷς ἑκάτερος, ἓνα καὶ ἀμφοτέρους ἀνάγκη· οὐ γὰρ οἶόν τε διανεκεῖ λόγῳ τῆς οὐσίας κατὰ Ἰππίαν ἄλλως ἔχειν.

А сейчас мы научены тобой, что если мы вместе двойка, то и каждый из нас по необходимости двойка, если же каждый из нас один, то по необходимости и вместе один: иначе, по Гиппию, невозможен *неделимый логос сущности*.

Здесь «неделимое тело» меняется на «неделимый логос», и тем самым маркируется статус высказывания: если у Гиппия основанием «сущности» является «телесное» (ср. «людей земли» в «Софисте»), то Сократ, как бы невзначай делая оговорку, вставляет во фразу «логос», подчеркивая противоречивость и непродуманность пафосных рассуждений Гиппия. Тот со своими «неделимыми телесами» оказывается в опасной близости к горшечному *pot-pourri* и вдали от философского логоса (ср. 304ab, где Гиппий снова подчеркивает разницу между «шелухой» и «обрывками» речей Сократа и красивыми речами в суде).

Таким образом, в диалоге на уровне литературных аллюзий и комических намеков обыгрываются его основные философские положения, в том числе и различие между «быть» и «казаться» прекрасным (294a–e). Гиппий — мудрец лишь по видимости, он выглядит пародией на философа, и в самих его речах присутствуют пародийные аллюзии комедиографов, чего сам Гиппий не осознает — как, впрочем, и многие из «серьезных» комментаторов Платона.

Два типа эйдосов и «двойники»

Но этот же пассаж «Гиппия Большого» отсылает нас и к диалогу «Софист» (246ab), где «дружья идей» в своих рассуждениях разбивают на мелкие куски телá, которые считают истиной «люди земли» (τὰ δὲ ἐκεῖνων σώματα καὶ τὴν λεγομένην ὑπ' αὐτῶν ἀλήθειαν κατὰ σμικρὰ διαθραύοντες ἐν τοῖς λόγοις). Это имеет отношение уже непосредственно к философскому содержанию, к тому, что такое это расчленение, и к двум типам эйдосов, которые появляются в этом диалоге.

Дэвид Росс считает, что «Гиппий Большой» демонстрирует признаки развития теории идей, которую трудно приписать кому-либо, кроме Платона. Он говорит, что только в этом диалоге, и нигде больше, Сократ подчеркивает разницу между теми эйдосами, которые истинны для каждого и одновременно для всей совокупности причастных им индивидуальных вещей, и эйдосами числа, которые истинны для группы, но не для индивидуальных ее членов³⁴. По мнению Росса, постановка проблемы эйдосов в «Гиппии Большем» предвосхищает вопрос «Парменида» — могут ли вещи относиться к идеям, как часть к целому, а также указывает на ранний интерес к проблеме числа, который будет характерен для Платона в поздний период³⁵. Росс, «принимая во внимание сравнительную зрелость доктрины и то, что фон Арним по чисто стилистическим основаниям ставит его [Гиппия Большого] позднее даже *Пира*», помещает его ориентировочно после «Евтифрона»³⁶.

Подчеркнем вслед за Россом, что важнейшей специфической чертой «Гиппия Большого» является рассмотрение разницы двух типов эйдосов; назовем один из них условно «качественным», другой — «числовым». Уже в «Евтифроне» благочестивое как часть справедливого сопоставляется с четным как частью числа (12de). Однако вопрос о возможности «качественного» типа

³⁴ Ross 1951: 4.

³⁵ Ibid. 16–18.

³⁶ Ibid. 4.

эйдосов делиться на части оказывается совсем не простым, к нему Платон возвращается постоянно: например, в «Протагоре» и «Меноне» обсуждается делимость/неделимость добродетели и ее идеи, и ответы совсем не однозначны.

В «Гиппии Большем» разница этих двух типов эйдосов артикулируется. Главный предмет диалога — прекрасное само по себе, которое, по словам Сократа, дает возможность всем вещам, причастным ему, обладать соответствующим свойством, т.е. быть прекрасными. Прекрасными могут быть девушка, лира, кобылица, горшок. Прекрасно то, что подходяще, пригодно, полезно, что порождает благо. Здесь, как и в «Пире», прекрасными могут быть тела и предметы, но также и законы, и занятия, и речи. Но непротиворечивое определение прекрасного самого по себе, являющегося причиной прекрасных вещей, так и не найдено.

Тогда Сократ предпринимает попытку определения прекрасного через удовольствие, доставляемое одновременно слухом и зрением: это удовольствие от прекрасных картин, изваяний, звуков, всех мусических искусств, речей, мифов — то, что мы бы назвали «эстетическим» удовольствием в нашем значении слова (298d; ср. «чистые удовольствия» в «Филебе», 51a–52c). Но здесь возникает парадокс: то, что свойственно этому удовольствию в целом, не является специфическим свойством удовольствия от зрения и слуха по отдельности. Гиппий недоумевает (300b):

Да как же это может быть, Сократ, чтобы ни одна из двух вещей не имела какого-то свойства, а затем чтобы это самое свойство, которого ни одна из них не имеет, оказалось в обеих?³⁷

Для понимания этого пассажа стоит заглянуть в «Теэтет», где разбирается вопрос, каким органом совместно воспринимается слышимое и видимое, — это не зрение и не слух, а душа (Tht. 185a–e).

Вот тут мы и сталкиваемся со вторым типом эйдосов, условно «числовым». Сократ поясняет Гиппию (300e):

³⁷ Здесь и ниже пер. А.В. Болдырева под ред. С.Я. Шейнман-Топштейн.

мне представляется, что то, что не свойственно мне и чем не можем быть ни я, ни ты, то может быть свойственно обоим нам вместе; с другой стороны, тем, что свойственно нам обоим, каждый из нас может и не быть.

Гиппий возражает:

если мы оба справедливы, разве не справедлив и каждый из нас в отдельности? Или, если каждый из нас несправедлив, не таковы ли мы и оба вместе?

Он приводит в пример здоровье, мудрость, благородство и т.д. — то, что выше мы условно назвали «качественными» эйдосами, и сразу после этого возмущается методом Сократа — крушить и расчленять «неделимое тело сущности», разобранное нами выше. Сократ, иронически самоуничижаясь, отвечает (301de):

прежде чем ты сказал всё это, мы были настолько бестолковы, что представляли себе, будто и я, и ты, каждый из нас — это один человек, а оба вместе мы, конечно, не можем быть тем, что каждый из нас есть в отдельности, ведь мы — это не один, а двое; вот до чего мы были просты. А сейчас мы научены тобой, что если мы вместе двойка, то и каждый из нас по необходимости двойка, если же каждый из нас один, то по необходимости и вместе один: иначе, по Гиппию, невозможен *неделимый логос сущности*³⁸.

Как видим, неумение Гиппия «дробить» и «расчленять» логосом «тело сущего», т.е. отсутствие диалектической способности, приводит его к парадоксу неделимости и невозможности помыслить соотношение «единое-многое». Комедийность нашей фразы совсем не мешает ей выводить на главную философскую тему диалога. Гиппий продолжает недоумевать, а Сократ развивает свою мысль на примере четного и нечетного: если каждый из нас нечет, то и вместе мы должны быть нечетом, а если мы вместе чет, то и каждый должен быть четом; однако, это не так.

³⁸ Пер. А.В. Болдырева под ред. С.Я. Шейнман-Топштейн с изменениями.

Обратимся еще раз за разъяснением к «Теэтету»: первые буквы имени Сократа, сигма и омега, не имеют ничего общего, но образуют единый слог, о чем Сократ говорит (203ε):

χρήν γὰρ ἴσως τὴν συλλαβὴν τίθεσθαι μὴ τὰ στοιχεῖα ἀλλ' ἐξ ἐκείνων ἔν τι γεγονόςός εἶδος, ἰδέαν μίαν αὐτὸ αὐτοῦ ἔχον, ἕτερον δὲ τῶν στοιχείων.

следовало бы за слог принять не [совокупность] букв, а какой-то возникающий из них единый вид, имеющий свою собственную единую идею, отличную от букв³⁹.

Вот такой эйдос, возникающий из разных элементов, каждый из которых не обладает свойством возникшего целого, но лишь совместно с другим образует новое единство, мы назвали раньше «числовым» (это не совсем верное обозначение, так как случай «чета-нечета» сюда вписывается не полностью), теперь же назовем его «собирательным».

К этому типу относятся у Платона *эйдосы души и государства*: составляющие того и другого каждая по отдельности (например, у души — вожделеющая, яростная и разумная части) не обладают свойством целого, но и целое при этом не есть механическая сумма частей. Этот тип эйдоса развивается в неделимую пятеричу великих родов «Софиста», где одновременно взаимодействуют две пары противоположностей, причастные бытию.

«Гиппий Большой» завершается тем, что прекрасное нельзя определить как приятное благодаря зрению и слуху, поскольку такое прекрасное создается зрением и слухом совместно, но не каждым в отдельности (303d). А это оказалось невозможным — ведь Сократ, наконец, признал, что прекрасное относится к тому виду, о котором говорил Гиппий: если прекрасны мы оба, то прекрасен и каждый из нас (303bc). Поэтому Сократ озвучивает призыв своего двойника: «начните рассуждение сначала».

Вернемся и мы к вопросу о том, какова же функция двойника в диалоге. Мы уже говорили о «психологической» интерпретации

³⁹ Пер. Т.В. Васильевой под ред. И.И. Маханькова.

Вудрафа, который считает двойника своеобразным «буфером» между Гипшием и «реальным» Сократом, позволяющим осуществлять приемлемую коммуникацию; по крайней мере, бить Сократа палкой за глупые ответы собирается его двойник, а не реальный Сократ — Гиппия. Сократ в воображаемых разговорах с двойником отыгрывает свою беседу с Гипшием, как в зеркале. Но это имеет отношение не только к психологическим перипетиям, но и к философскому содержанию диалога, а именно к двум типам эйдосов.

В «Гиппии Большем» есть два Сократа, один *вопрошающий*, другой *отвечающий*, они — разное, как удовольствие по отдельности от слуха и зрения, как чет и нечет. Но единство, создаваемое ими, — целостный Сократ, ведущий диалог сам с собой. Можно сказать, что в соответствии со своими же рассуждениями Сократ здесь воплощает *эйдос диалога*: единое, т.е. одно, состоит из двух; два образуют одно. Это похоже на образ «двойного» Сократа в «Пире» — добродетельного философа, взыскующего блага, и гибриста-провокаатора, скрывающегося под маской иронии. Однако этот «собираТЕЛЬный» эйдос относится и к линии «Сократ-Гиппий»: каждый из них есть разное, но вместе они образуют беседу; не случайно Сократ объясняет второй тип эйдосов на примере себя и Гиппия («я и ты — будем ли мы одним, или же и ты — два, и я — два?»). Что же означает целое «Сократ-Гиппий», то же ли это самое, что диалогическое единство «Сократ-Сократ»?

Сократ-двойник относится к Сократу реальному так же, как Сократ реальный относится к Гиппию: задает вопросы и насмехается, в то время как собеседник регулярно впадает в апорию. Таким образом, реальный Сократ здесь оказывается «серединой», и мы получаем «классическую» платоновскую цепочку «эйдос — вещь — подражание» (см. 10-ю книгу «Государства»): Сократ-двойник, вопрошающий — «эйдос», Сократ реальный, отвечающий и вопрошающий — «вещь», Гиппий — «подражание». Диалог «Сократ-Гиппий» является «подражанием» диалогу «Сократ-Сократ»: в разговоре Сократа с самим собой и в во-

просе, и в ответе присутствует подлинное размышление, в беседе Сократа с Гиппием сталкиваются размышление и готовое мнение, подражающее мысли. Действительно, реальный Сократ подчеркивает, что он подражает «тому человеку» (двойнику), Гиппий же всячески подражает повадкам «мудрецов». Отметим, что здесь раздваивается не только Сократ, но и Гиппий: он нападает на воображаемого человека, в котором «не узнает» Сократа, и почти всё время соглашается с реальным Сократом.

Таким образом, мы видим здесь «мудрость», как бы проходящую разные уровни: мудрость философа — заплутавший и ищущий выход разум — софистика. При этом «качественные» эйдосы (мудрость и прекрасное) проходят сквозь «собираательные» эйдосы (диалоги «Сократ-Сократ» и «Сократ-Гиппий»). Именно эту схему в разработанном виде делает Платон структурной основой «Государства»: «качественный» эйдос *справедливости* проходит сквозь разные уровни «собираательных» эйдосов *души* и *государства*, воплощаясь в разных видах в зависимости от сферы сущего.

Мы полагаем, что такая специфическая перформативность — философское содержание, литературные аллюзии, персонажи и нарративная структура — может служить поддержкой мнения об аутентичности «Гиппия Большого».

Литература

- Лосев, А.Ф. et. al. (1990), *Платон. Собрание сочинений в четырех томах*. Т. 1. Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса и А.А. Тахо-Годи; перевод Вл.С. Соловьева, М.С. Соловьева, С.Я. Шейнман-Топштейн и др.; примечания А.А. Тахо-Годи. М.: «Мысль».
- Протопопова, И.А. (2011), «Государство Платона — идеальный мимесис?», *Логос* 83.4: 89–100.
- Протопопова, И.А. (2012), «Прыгающий лебедь: о драматическом подходе к диалогам Платона», *Логос* 90.6: 85–100.
- Протопопова, И.А. (2015), «Платоновский *Пир* как силен и андрогин», *Вестник РХГА* 4: 419–425.

- Apelt, O. (1912), Apelt, Otto. *Platonische Aufsätze*. Leipzig; Berlin: Verlag von B.G. Teubner.
- Apelt, O., trans. (1918), *Platons Dialoge Hippias I und II, Ion*, übersetzt und erläutert von Otto Apelt. Leipzig: Felix Meiner.
- Arnott, W.G. (2010), "Middle Comedy", ch. 8 in Gregory W. Dobrov (ed.), *Brill's Companion to the Study of Greek Comedy*, 279–331. Leiden; Boston: Brill.
- Grote, G. (1867), *Plato and the Other Companions of Socrates*, 2nd edition, 3 vols. London: John Murray.
- Grube, G.M.A. (1926), "On the Authenticity of the *Hippias Maior*", *Classical Quarterly* 20.3–4: 134–148.
- Heindorf, L.F., ed. (1827), *Platonis Dialogi selecti*, cura Lud. Frid. Heindorfii. editio secunda, vol. 1. Berolini: e Libraria Nauckiana.
- Meineke, A., ed. (1840), *Fragmenta Comicorum Graecorum*, collegit et disposuit Augustus Meineke, vol. 2: *Fragmenta poetarum comoediae mediae*. Berolini: typis et impensis G. Reimeri.
- Olson, H. (2000), "Socrates Talks to Himself in Plato's *Hippias Major*", *Ancient Philosophy* 20.2: 265–287.
- Protopopova, I.A. (2011), "Gosudarstvo Platona — ideal'nyy mimesis? [Plato's *Republic* — An Ideal Mimesis?]", *Logos* 83.4: 89–100.
- Protopopova, I.A. (2012), "Prygayushchiy lebed': o dramaticheskoy podkhode k dialogam Platona [The Leaping Swan: On Dramatic Approach to Plato's Dialogues]", *Logos* 90.6: 85–100.
- Protopopova, I.A. (2015), "Platonovskiy «Pir» kak silen i androgin [Plato's *Symposium* as Silenus and Androgyne]", *Vestnik RKhGA* 4: 419–425.
- Ross, D. (1951), *Plato's Theory of Ideas*. Oxford: at the Clarendon Press.
- Schleiermacher, F., trans. (1861), *Platons Werke*, 3. Auflage, Bd. 2.3. Berlin: Georg Reimer.
- Stallbaum, J.F., ed., (1857), *Platonis opera omnia*, vol. 4.2. Gothae et Erfordiae: sumptibus Hennings.
- Tarrant, D. (1920), "On the *Hippias Maior*", *Journal of Philology* 35: 319–331.
- Tarrant, D. (1927), "The Authorship of the *Hippias Maior*", *Classical Quarterly* 21.2: 82–87.
- Tarrant, D., ed. (1928), *The Hippias Maior attributed to Plato*, with Introductory Essay and Commentary by Dorothy Tarrant. Cambridge: at the University Press.
- Thesleff, H. (1982), *Studies in Platonic Chronology*. Helsinki/Helsingfors: Societas Scientiarum Fennica.
- Woodruff, P., trans. (1982), *Plato. Hippias Major*, trans. with Commentary and Essay by Paul Woodruff. Indianapolis: Hackett Publishing Co.